

*В.М. Рыбаков**

Законы династии Тан о государственном животноводстве

АННОТАЦИЯ: На протяжении многих веков обеспечение продовольственной безопасности страны было одной из основных функций традиционного китайского государства. Существенным элементом решения этой задачи была забота о государственном животноводстве. Оно же служило целям государственной обороны и обеспечению управления. Обращение с государственными животными регулировалось целой системой обязательных норм и уголовных законов, которые охватывали все стадии и все области функционирования казённых животных, от их рождения до старости, утраты трудоспособности и смерти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: традиционный Китай, государство и право, чиновничество, административное право, уголовное право, государственный сектор экономики, казённое животноводство.

На протяжении многих веков обеспечение продовольственной безопасности страны было одной из основных, критически важных функций традиционного китайского государства. Наряду с поддержанием в надлежащем состоянии пахотных площадей или ирригационными усилиями забота о государственном животноводстве являлась краеугольным камнем исполнения этой функции. Эта забота входила как существенный элемент и в решение задач обороны, и в осуществление управления. Её регулировала разветвлённая система как предписывающих (нормативных), так и запретительных (уголовных) законов.

* Рыбаков Вячеслав Михайлович, д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия; E-mail: Ouyangtsev@mail.ru

Падёж и приплод

Первейшей обязанностью должностных лиц, занятых тогдашним животноводством, было обеспечение сохранности и воспроизводства казённого скота. основополагающая статья уголовного кодекса династии Тан, устанавливавшая степени ответственности за некорректное исполнение этих обязанностей, впечатляет не столько разнообразием или суровостью предусматриваемых наказаний, сколько обилием цитат из нормативных документов или ссылок на них.

Эти цитаты и ссылки дают нам хоть краем глаза, но воочию увидеть, сколь кропотлив был труд тех, кто руководил реальным сектором танской экономики, сколь глубоко были проанализированы законодателями возможности этого сектора и сколь регламентированы получившие силу закона результаты проведённого анализа. Здесь ощущается опыт поколений.

Для поддержания на должном уровне поголовья скота в танском государстве была создана разветвлённая сеть хозяйств, подчинявшихся Великому конюшенному приказу (*тайтусы* 太僕寺). Эти хозяйства назывались управлениями пастбищ (*муцзянь* 牧監); ровно этим же термином обозначались начальники таких управлений¹. Управления подразделялись на три уровня в зависимости от вида и численности вверенных животных; соответственно уровню могло варьироваться количество служащих и их ранги. Например, применительно к главным животным страны — лошадям — предусматривалось, что высшими управлениями считались те, что отвечали за 5000 лошадей и более; в средних управлениях пасли от 3000 до 5000 лошадей, низшими управлениями считались те, где поголовье не достигало 3000.

Вверенные управлениям животные подразделялись на *цюнь* 羣 — табуны и стада. У коней/лошадей и быков/коров стадом считалась численность в 120 голов, верблюды/верблюдицы, мулы/мулицы и ослы/ослицы составляли стадо при численности в 70 голов, а бараны/овцы удостоивались считаться стадом лишь при численности в 620 голов. При каждом табуне или стаде имелись начальник выпаса (*мучжан* 牧長) и пристав выпаса (*мувэй* 牧尉). Начальниками могли назначаться сыновья чиновников от 6-го ранга и ниже либо простолюдины, а приставами — сыновья лиц, имевших наградные должности (*сюньгуань* 勳官) 8-го ранга и ниже, либо также простолюдины [Тан лю дянь, цз. 17; разд. *Чжумуцзянь*].

Коль скоро начальники выпаса могли назначаться из сыновей действительных чиновников 6-го ранга и ниже, а пристава выпаса — из сыновей всего-то наградных (то есть тех, чьи должности не

¹ Подробнее см.: [Рыбаков, 2009, с. 318].

были связаны с исполнением конкретных, строго определённых служебных обязанностей) чиновников 8-го ранга и ниже, напрашивается мысль, что *мучжаны* в чиновной иерархии стояли выше *муззев*. Именно так полагает и Ч. Хакер. Он прямо переводит термин *музэй* как «помощник директора пастбища» (Assistant Director of the Cattle Pasturage), а термин *мучжан* и одинаково с ним даже термин *му-цзянь* 牧監 — как «директор пастбища» (Pasturage Director) [Hucker, 1985, p. 336, 338].

Однако в танском уголовном кодексе «Тан люй шу и» есть указание, противоречащее версии, согласно которой пристав выпаса располагался в чиновной иерархии ниже начальника выпаса. Там сказано:

«Согласно общеобязательным установлениям... для [каждого] стада отдельно назначается 1 начальник выпаса (*мучжан* 牧長). Управлять 15 начальниками (*чжан* 長) назначается один пристав (*вэй* 尉)» [Тан люй, ст. 196; Уголовные установления Тан, 2001. С. 199]².

Чуть позже в кодексе отмечено, что количество выпасов, подчинённых каждому данному управлению, не регламентировалось. Буквально же сказано: «Что до управлений, то количество [подчинённых им] приставов не ограничивается» (*ци цзянь цзи бу сянь вэй до-шао* 其監卽不限尉多少). Из этой фразы можно заключить, что *вэй* находились в субординативной цепочке сразу ниже управления, подчиняясь непосредственно *цзяням* [Тан люй, ст. 196; Уголовные установления Тан, 2001. С. 199].

Низовым уровнем этой цепочки подчинения являлись пастухи *муцзы* 牧子.

Обширная выдержка из кодекса, содержащая цитату из не сохранившегося общеобязательного установления, стала одной из основ реконструкции Ниидой Нобору соответствующего *лина*; в своё время попав в *люй* из нормативного документа, она затем в свою очередь помогла восстановить сам этот нормативный документ.

«Согласно общеобязательным установлениям о конюшнях и пастбищах, на всех пастбищах доля потерь от смертей разнообразных животных ежегодно определяется из 100 голов. [Допустимая] убыль верблюдов составляет 7 голов, мулов — 6 голов, коней, быков, ослов, чёрных баранов — 10, а белых баранов — 15. Среди недавно привезённых с внешних окраин коней, быков, ослов и чёрных баранов разрешается убыль в 20, а на второй год — в 15 [голов], среди верблюдов — убыль в 14, а на второй год — в 10 [голов], среди мулов — убыль в 12, а на второй год — в 9 [голов], среди белых

² Эта же фраза, будучи взятой из кодекса, повторена в сборнике *линов* [Ниидо Нобору, 1964, с. 699].

баранов убыль в 25, а на второй год — в 20 [голов]. На третий год у всех [животных допустимая убыль определяется] как у издавна [обитающих]. Размер убыли, соответствующий [допустимой] доле от 100 или менее голов, и есть размер убыли, [допустимой] в отдельно [взятом] году. Не должно иметь смерти и потери сверх него.

Или же не была полностью выполнена норма [приплода]. Положенная норма [приплода], согласно общеобязательным установлениям, для 100 голов лошадей, для 100 голов коров или ослиц составляет ежегодно по 60 жеребят и телят, а у мулов — вполовину меньше. Норма для лошадей, недавно привезённых с внешних окраин, составляет 40 жеребят, на второй год — 50, а на третий год норма [определяется] как у издавна [обитающих]. Для 100 голов верблюдиц трёхлетняя норма составляет 70 верблюжат. Для 100 ртов белых овец ежегодная норма составляет 70 ртов ягнят, а для 100 ртов чёрных овец [ежегодная] норма составляет 80 ртов ягнят.

Если относительно данных величин есть недостача, это рассматривается как невыполнение нормы [приплода]» [Тан люй, ст. 196; Уголовные установления Тан, 2001, с. 194–195; Ниида Нобору, 1964, с. 702].

Убыль свыше нормы или приплод ниже нормы были равно наказуемы. Любопытно, что утрата реального животного по степени криминальности полностью приравнивалась к утрате, так сказать, животного виртуального — того, которое ещё не существовало и, хотя должно было возникнуть, так и не возникло. Смерть или потеря одного животного, которое вполне себе уже паслось и питалось, была наказуема ровно в той степени, как непоявление на свет детёныша, который по разнарядке должен был появиться.

«При смертях и потерях сверх [допустимой] убыли или при невыполнении нормы [приплода] за 1 [животное] начальник выпаса (*мучжан* 牧長) и пастух (*муцзы* 牧子) наказываются 30 ударами лёгкими палками. За [каждые последующие] 3 наказания увеличивается на 1 степень. Таким образом, при недостаче (*цянъ* 欠) в 22 [животных] должно наказывать 100 ударами тяжёлыми палками. По превышении 100 ударов тяжёлыми палками за [каждые последующие] 10 [голов] наказание увеличивается на 1 степень. При недостаче в 72 [животных] [увеличение] наказания ограничивается 3 годами каторги. В случаях с баранами наказание уменьшается на 3 степени. При недостаче в 3 [барана] или меньше наказание не предусматривается. При недостаче в 4 [барана] наказание — 10 ударов лёгкими палками. За [каждые последующие] 3 рта наказание увеличивается на 1 степень. [Увеличение] наказания ограничивается 1,5 годами каторги» [Тан люй, ст. 196; Уголовные установления Тан, 2001, с. 195–196].

Таким образом, если, например, за год из 100 лошадей сверх нормы допустимой убыли (то есть сверх 10 голов) были потеряны, скажем, ещё 5 — это было то же самое, что и, скажем, если сотня кобыл принесла на 5 жеребят меньше, нежели в подотчётном году надлежало по плану (то есть не 60, а 55). Если в некоем стаде произошло и то и другое — начальник выпаса и пастух соответствующего стада наказывались за 10 голов недостачи.

Базовая карательная норма, следовательно, была относительно несложной в применении и, в общем, не слишком суровой. Пастухам и начальникам выпаса надо было проявить изрядное разгильдяйство, чтобы «заслужить» более или менее ощутимое наказание. Из 100 голов потерять за год более 70 — нелёгкая задача для хоть сколько-то грамотного работника. Разве что случился бы падёж — но катастрофические ситуации подлежали особому учёту.

Например, если в данном году произошёл мор, следовало прикинуть, каковы в ближайшей к казённым выпасам местности оказались потери частного скота и полагать аналогичные, случившиеся в той же пропорции потери государственного стада не криминальными. Правда, к коням и быкам эта норма не относилась. Зато не следовало относить к криминальной убыли потерю коней и быков, если их возраст превысил 21 год. Если же случались несвоевременные морозы и снегопады, вызвавшие массовую гибель скота, следовало просто доложить об этом в столицу [Ниидэ Нобору, 1964, с. 702].

Закон предусматривал ситуацию, когда, что было вполне вероятно, либо начальник выпаса, либо пастух заступили на свою должность не с начала года, а позже. Естественно, в таком случае они не могли отвечать за всё, случившееся с вверенным им стадом в течение всего года. И вот тут подходы к естественной убыли и к невыполнению приплода разнились. Закон учитывал, что смерть животного при надлежащем присмотре и уходе более или менее равновероятна на протяжении всего года, а вот получение приплода — явление периодическое, сезонное.

При убыли надлежало подсчитать допустимую норму применительно к количеству месяцев, которое пробыл на своём посту новичок, и вычислить превышение именно для этого срока. Кодекс приводит пример, причём, явно заботясь о лёгкости усвоения материала, для примера выбраны поступившие в данное управление в текущем году мулы. Допустимая убыль за год составляла применительно к этим животным 12 голов, так что легче лёгкого было прикинуть: в месяц некриминальной является потеря одного-единственного мула, а вот то, что в данном месяце сверх того — уже наказуемо. Так что если начальник выпаса или пастух поступили на службу 3 месяца назад —

им можно было потерять трёх мулов, если 5 месяцев назад — пять, и так далее. А вот за тех животных, что были за тот же период утеряны сверх этого, новоназначенные служащие отвечали по данной статье.

При неполном же приплоде следовало выяснить, заступил ли на должность данный служащий до того, как животных отпускали для спаривания, или после. Если до — получалось, что данный служащий полностью повинен в неполном приплоде за подотчётный год. Если после — он за неполный приплод в этом году вообще не отвечал.

К сожалению, в законе ничего не сказано о том, «догоняло» ли наказание за неполный приплод того, кто служил при данном стаде в период спаривания, но к моменту получения и подсчёта приплода уже был переведён или просто уволен.

В особом производстве выделялись коллизии, когда сверхнормативная убыль постигла животных, которые находились в состоянии чего-то вроде стойлового содержания; в кодексе это называется *си сы* 繫飼 — «привязать и кормить»³. Понятно, что при таком уходе и в таких условиях уморить животное было сложнее, и, стало быть, его смерть свидетельствовала о несколько большей халатности, нежели случайная смерть вольно пасущейся скотины, подверженной всем превратностям свободы. Поэтому наказания, предписанные для предыдущих ситуаций, здесь надо было увеличивать на 1 степень. Значит, сверхнормативная смерть, например, одного животного наказывалась не 30, а 40 ударами лёгкими палками. Увеличение наказания ограничивалось ссылкой на 2000 *ли*, полагавшейся за ту же самую сверхнормативную убыль, которая по исходной схеме наказывалась 3 годами каторги.

Ещё хуже обстоятельно дело, если животное, содержащееся в привязанном состоянии и получавшее корм непосредственно по месту содержания, не просто умерло, а каким-то образом потерялось: отвязалось, освободилось, вырвалось, ушло. В кодексе данная коллизия растолковывается на редкость простодушно:

«В случаях потерь наказание увеличивается ещё на 2 степени, поскольку тем [животным], которые привязаны и [получают] корм, негоже (*бу хэ* 不合) теряться и пропадать. Поэтому наказание увеличивается на 2 степени» [Тан люй, ст. 196; Уголовные установления Тан, 2001, с. 198].

То, что наказание увеличивалось именно «ещё», ясно из приводимых в тексте примеров. По сравнению с исходными нормами, наказания увеличивались на 3 степени: потеря одного привязанного животного наказывалась 60 ударами тяжёлыми палками вместо 30 уда-

³ Первый иероглиф может читаться и как *цзи*.

ров лёгкими палками. Рост наказания ограничивался не 3 годами каторги, а ссылкой на 3000 *ли*.

Однако бараны даже в этих ситуациях оказались менее уважаемы. В тексте специально отмечается:

«[В ситуациях с] привязанными и [получающими] корм баранами наказание также соответственно каждому данному случаю уменьшается на 3 степени» [Тан люй, ст. 196; Уголовные установления Тан, 2001, с. 198].

Начальству, стоявшему выше руководства отдельных стад, кары определялись в зависимости от общих потерь в подведомственных им единицах. Среди начальства упоминаются управители (*цзянь* 監), то есть начальники управлений, и приставы (*мувэй* 牧尉). Для того, чтобы определить, полагается им наказание или нет и, если полагается, то какое, проводилась операция общего расчёта (*тунцзи* 通計). Сначала вычислялись суммарные сверхнормативные потери и недоборы приплода по всем вверенным единицам: применительно к *мувэям* — для 15 стад, применительно к управителям — для каждого конкретного количества подведомственных данному управителю *мувэев*. Если полученный результат деления укладывался в допустимые суммарные убыль и недобор — начальник не был ни в чём виноват. Если не укладывался, следовало вычислить среднее превышение, и соответственно результату наказание определялось по тем же нормам, что и начальникам выпасов и пастухам. Скажем, допустимая убыль верблюдов в стаде по закону составляла 7 голов. По 15 стадам, следовательно, допустимая убыль — 105 голов. Если 15 стад, находящиеся под руководством одного пристава, за год потеряли 105 голов или менее, вне зависимости от того, сколько конкретно потеряло каждое стадо и должен ли быть наказан кто-то из подчинённых *мувэю мучжанов* и *муцзы*, сам *мувэй* не подлежал никакому наказанию. Если же реальные годовые потери составили в сумме, скажем, 155 голов, превышение тут — 50 голов. Делим 50 на 15, получаем в целых числах 3. Следовательно, *мувэй* должен отвечать, как отвечал бы *мучжан* за потерю 3 животных. Если в подчинении у этого *мувэя* были такие *мучжаны*, которые в своих стадах вообще не потеряли животных, на наказание *мувэя* это не влияло. Учитывались лишь суммарная потеря или суммарный недобор по всем 15 стадам.

Но и это было ещё не всё. Если согласно общему расчёту управитель, то есть начальник всего данного управления, под рукой которого находилось то или иное количество *мувэев*, оказывался виновен — наказанию подлежал не только он как главный, интегрально ответственный руководитель, но и его ближайшие подчинённые,

которые в течение подотчётного года помогали ему столь неудачно руководить. Кодекс это даже специально объясняет:

«Как обычно, начальник рассматривается как главарь, а непосредственно подчинённые начальнику чиновники — как сообщники. Поскольку выпас стад является [более] важным делом, [чем сохранение отдельных животных], ответственность возлагается на начальников. В случаях смертей и потерь, а также невыполнения нормы [приплода] управители (*цзянь* 監) рассматриваются как главари (*шоу* 首), а товарищи управителей (*фу цзянь* 副監), а также помощники (*чэн* 丞) и регистраторы (*бу* 簿) — как сообщники (*цун* 從)... Ясно, что старшие конторщики (*чжудянь* 主典) не наказываются» [Тан луй, ст. 196; Уголовные установления Тан, 2001, с. 199].

Судя по употреблению терминов «главарь» и «сообщники», можно предположить, что наказание непосредственно подчинённым чиновникам следовало определять одинаковое всем — а именно: как соучастникам уголовного преступления, то есть просто на 1 степень меньше, чем главарю. Однако тех, кто подлежал общеслужебной ответственности (*ляньцзо* 連坐)⁴, кодекс иногда тоже называет сообщниками второй степени (*ди эр цун* 第二從), сообщниками третьей степени (*ди сань цун* 第三從) и так далее. Не исключено, стало быть, что и в данном случае действовали нормы общеслужебной ответственности и наказание вычислялось с выделением уровней служебного соучастия и поэтапным прогрессирующим понижением наказания на 1 степень на каждом из уровней. Тогда товарищи начальника были уровнем *тунпаньгуань* 通判官, помощники — уровнем *паньгуань* 判官 и регистраторы — уровнем *цзянь гоу* 檢勾. Соответственно на втором уровне наказание уменьшалось на 1 степень относительно полного наказания, полагавшегося начальнику-главарю, на третьем уровне — на 2 степени и на уровне *цзянь гоу* 檢勾 — тоже на 2 степени.

Помимо сверхнормативных потерь или невыполнения нормы приплода власти пастбищ должны были отвечать и за менее драматичные, но тем не менее категорически нежелательные события. Понятно, что кормить целые стада с рук никакие чиновники, никакие государственные работники, пусть даже самые добросовестные и мотивированные, не в состоянии. Табуны и стада при нормальном течении дел паслись и кормились сами. Но это отнюдь не делало чиновников государственных пастбищ сторонними наблюдателями.

Вольно пасущиеся на подножном корме животные должны были набирать силы, нагуливать вес, и вот уж это вполне зависело от

⁴ Подробно о *ляньцзо* см.: [Рыбаков, 2013. С. 180].

властей, обязанных выбирать места выпаса и следить за количеством и качеством доступного там корма. Ответственность возлагалась на чиновников всей цепочки подчинения, от пастухов (*муцзы* 牧子) и выше до ранговых служащих аппарата данного управления пастбищ (*муцзянь чжи гуань* 牧監之官). Руководству, в ведении которого находилось несколько начальников выпаса или несколько приставов, как обычно, наказание определялось посредством общего расчёта. Низовой же персонал, пастухи и начальники выпасов, отвечали соответственно числу только им подведомственных и отощавших животных.

«В случае истощения животных, отпущенных на [подножный] корм (*фансы* 放飼), для определения ответственности рассчитываются десятые части. За одну десятую часть [животных] наказание — 20 ударов лёгкими палками. За [каждую последующую] десятую часть наказание увеличивается на 1 степень. Если не было полного десятка [животных], за 1 [животное] наказание — 30 ударов лёгкими палками. За [каждое последующее] наказание увеличивается на 1 степень. И в том и в другом случае [увеличение] наказания ограничивается 100 ударами тяжёлыми палками» [Тан люй, ст. 201; Уголовные установления Тан, 2001, с. 207].

Таким образом, если в ведении данного пастуха находилось менее 10 животных, отпущенных на подножный корм, за 8 отощавших животных виновный пастух наказывался 100 ударами тяжёлыми палками. Это был максимум, восемь составляли предельно возможное количество животных, при котором из менее чем десяти оставалось бы хоть одно не отощавшее. И потому наказание тоже достигало возможного максимума. Если корма не доставало и девятому и у него тоже проглянули рёбра, наказание пастуху уже не могло быть увеличено.

Дальше шли десятки, то есть более крупные стада. И отощавших тоже следовало считать десятками. Например, при стаде в 20 голов одной десятой стада была пара животных. Если эта пара отощала, наказание было — 20 ударов лёгкими палками. Если отощали восемнадцать — наказание достигало максимума в 100 ударов тяжёлыми палками. Если отощали все двадцать, наказание оставалось тем же.

Бараны и овцы и в этих ситуациях подвергались дискриминации: если животы подводило у них, все наказания следовало уменьшать опять-таки на 3 степени. Это значит, что при крупных стадах за одну десятую или даже две десятых отощавших наказания вообще не полагалось, ибо уменьшение 20 ударов на 3 степени давало бы отрицательное число, и даже уменьшение 30 ударов давало бы ноль. Только если отощали три десятых крупного стада, или два барашка из стада менее чем в 10 голов, наказание выныривало в положительную об-

ласть и становилось равным 10 ударам лёгкими палками. Предельным наказанием за баранье истощение были не 100, а всего лишь 70 ударов тяжёлыми палками.

Ветеринарное освидетельствование

За физическое состояние казённых животных тоже отвечали в первую очередь начальники административных единиц. Регулированию этой процедуры было посвящено специальное общеобязательное установление, которое опять-таки дошло до наших дней только в тексте кодекса и оттуда было взято в сборник Нииды Нобору.

«Согласно общеобязательным установлениям о конюшнях и пастбищах, начальники округов (*цзиши* 刺史) или [возглавляющие территориальные дружины ополчения] общеначальствующие приставы (*чжэчун* 折衝) либо [их заместители] непреклонные смельчаки (*гои* 果毅) ежегодно проводят освидетельствование казённых коней, принадлежащих [соответствующим] дружинам ополчения (*фу* 府), а также коней и ослов, [используемых при] езде на перекладных (*чжуаньсун* 傳送). Если обнаруживаются старые, больные и непригодные для езды, принадлежащие [соответствующим] администрациям казённые лошади окончательно отбраковываются (*цзяньдин* 揀定) окружными чиновниками, а принадлежащие администрации столичного округа [животные] отбраковываются (*цзянь* 揀) Правительствующим надзором (*шаньшун* 尚書省). Затем их [разрешено] продавать сообразно обстоятельствам» [Тан люй, ст. 197; Уголовные установления Тан, 2001, с. 200; Нииды Нобору, 1964, с. 709].

Конечно, маловероятно, чтобы отбраковкой коней и ослов занимались непосредственно сами начальники. Это было им, в общем, не по чину, да и не входило непосредственно в их компетенцию; тут нужны были, скорее, узкие специалисты. В штаты различных центральных учреждений империи входили специалисты-ветеринары (*шоуи* 獸醫) и даже знатоки ветеринарного врачевания (*шоуи боши* 獸醫博士) с учениками (*сюэшэн* 學生); в Великом конюшенном приказе, например, их было соответственно 600, 4 и 100 [Синь Тан шу, 1975, с. 1253]. Надо полагать, в провинциальных администрациях, особенно в связанных с животноводством, тоже были профессионалы, вероятно, не входившие в ранговое чиновничество. Непосредственно они то, надо думать, и разбирались с тем, какая лошадь и какой осёл ещё способны послужить своей стране. Но начальники, вероятно, приглядывали за проведением освидетельствования и утверждали его результат. И уж всяко они отвечали за подбор специалистов, за правильную организацию процедуры, за своевременность проведения осмотров и за корректность поступавшей затем наверх документации; скажем, чиновники Правительствующего надзора уж, наверное, не

возились с животными сами, но верифицировали поступившие к ним из администрации столичного округа отчёты⁵.

Впрочем, в самом кодексе эти тонкости никак не отражены. Но ведь именно начальники в первую очередь отвечали за любые происходившие в пределах их юрисдикции безобразия и недочёты. И, как мы только что видели, за сверхнормативную убыль скота и даже за невыполнение нормы приплода. Тем более за неадекватность проводимых в столь важной сфере экспертиз.

Точный адресат применения карательных санкций за неверное освидетельствование животных в тексте вообще не назван. И о применении норм общеслужебной ответственности не упомянуто. Из этого можно заключить, что персональное возложение виновности было оставлено на волю конкретных обстоятельств. В зависимости от уровня административной единицы, от её штата, от прочих переменных факторов, которые в обобщённом тексте невозможно было конкретизировать, виноватым мог оказаться не тот чиновник, так этот — но непременно именно тот, кто лично проводил освидетельствование. Именно и только для служащего, персонально ответственного за ошибочное или умышленно искажённое заключение, и предназначались предусмотренные этой нормой закона санкции.

Пока в дело не вмешивались материальные факторы и, тем более, корысть, и речь действительно шла об ошибке или халатности, наказания не были слишком уж суровыми; вдобавок, как и в предыдущих случаях, они должны были уменьшаться относительно базовой шкалы на 3 степени, если объектами некорректных освидетельствований являлись бараны. В отношении же более уважаемых животных — коней, быков, ослов — действовала следующая норма:

«Всякий, кто исказил действительность при обследовании животных, за 1 [животное] наказывается 40 ударами лёгкими палками, за [каждые последующие] 3 наказание увеличивается на 1 степень. [Увеличение] наказания ограничивается 100 ударами тяжёлыми палками» [Тан луй, ст. 197; Уголовные установления Тан, 2001, с. 199–200].

Легко посчитать, что увеличение наказания достигало предела при неверном освидетельствовании 19 животных. При освидетельствовании же баранов при той же численности в 19 голов наказание достигало предела в 70 ударов тяжёлыми палками.

Однако то, что отбракованных животных затем следовало «продавать сообразно обстоятельствам», создавало угрозу того, что невер-

⁵ В японских *рё*, кстати сказать, тоже говорится без обиняков и подробностей: «Наместник провинции должен ежегодно проводить осмотр почтовых и перекладных лошадей» [Свод законов «Тайхорё», 1985–1989, т. 2, с. 95].

ное освидетельствование могло привести к установлению неправильной, не соответствующей реальному состоянию животного цены на него. Либо очень большое животное могло быть выставлено на продажу как ещё полное сил, так что неосмотрительный покупатель понёс бы убыток, либо, напротив, практически здоровая скотина могла быть кем-то «приватизирована» по дешёвке, с убытком для казны. Неверное освидетельствование было чревато плавным перерастанием в имущественное преступление.

«Если по этой причине стоимость [животного] была завышена или занижена, и присвоение наказывается тяжелее, рассчитывается [размер] завышения или занижения и [согласно ему] наказание определяется за незаконное присвоение (*цзо цзан лунь* 坐贓論)» [Ганлюй, ст. 197; Уголовные установления Тан, 2001, с. 200].

Тут уменьшение, предусмотренное для всевозможных коллизий с баранами, уже не действовало. Деньги не пахнут ни конями, ни баранами; убыток есть убыток. Важен не повод его возникновения, а только его величина.

Чтобы включилась данная норма, разница между надлежащей ценой и ценой, возникшей из-за неверного освидетельствования, должна была составить минимум 3 *ти* 1 *чи* шёлка⁶. Тогда по шкале незаконных присвоений наказание превысило бы 40 ударов лёгкими палками, составив 50 ударов⁷. Следовательно, наказание за имущественную составляющую преступления стало бы больше исходного наказания за самый факт неверного освидетельствования. И далее, соответственно величине зазора между ценами, наказание следовало

⁶ Мериллом стоимости в танском кодексе был избран шёлк определённого сорта, который, в свою очередь, измерялся либо в штуках *ти* 疋, либо, если речь шла о небольших суммах, в отрезках *чи* 尺. Одна штука шёлка определяется в кодексе как единица ткани длиной в 40 *чи* и шириной в 1 *чи* 8 *цуней*, один отрез — часть штуки длиной в 1 *чи* при стандартной ширине в 1 *чи* 8 *цуней*. При том что танские *чи* и *цунь* составляли соответственно около 31,1 см и 3,11 см (Кроль, Романовский, 1982. С. 227), нетрудно подсчитать, что штука шёлка имела длину 1244 см при ширине 55,98 см.

⁷ Строго говоря, применительно к баранам наказание за неверное освидетельствование 1-го животного равнялось не 40 ударам лёгкими палками, а на 3 степени меньше, т.е. всего лишь 10 ударам. Значит, наказание за незаконное присвоение начинало превышать эти 10 ударов уже при разнице стоимостей в 1 *чи* (по шкале *цзо цзан лунь* хищение в 1 *чи* наказывалось 20 ударами лёгкими палками). Но сути дела это не меняло. Бараны ведь и стоили меньше коней или быков.

определять уже по шкале незаконных присвоений⁸, с ограничением наказания 3 годами каторги при величине присвоения в 50 *ти*. Куда именно переместилась возникшая в результате неверного освидетельствования стоимость — из казны в частные руки (то есть цена была занижена) или из частных рук в казну (то есть цена была завышена), на строгость наказания не влияло. И ровно так же не влияли все эти факторы на то, кого именно признавали виновным в имущественном преступлении. Виноват был всегда тот, чьи действия вызвали неправильное перемещение стоимости — то есть допустивший ошибку или халатность служащий, проводивший освидетельствование.

Только если в его действиях обнаруживалась личная корысть и разница в цене оседала в его собственном кармане, преступник должен был отвечать не как за незаконное присвоение, а как за кражу (*и дао лунь* 以盜論). Это значит, что стоимость, вычисленную как разницу между надлежащей ценой и той ценой, по которой животное оказалось продано, следовало подставить в шкалу краж. А наказание за кражу начинало превышать 40 ударов лёгкими палками уже при величине хищения в 1 *чи* (даже безрезультатная попытка хищения наказывалась 50 ударами лёгкими палками, а хищение размером в 1 *чи* — уже 60 ударами тяжёлыми палками). При стоимости в 3 *ти* 1 *чи* полагалось уже 90 ударов тяжёлыми палками. Предельным наказанием была ссылка с дополнительными работами.

Кроме того, как при всякой реальной краже:

«Как обычно, взыскивается двойная стоимость присвоения. Полномочным и заведующим чиновникам (*цзяньчжунь* 監主) наказание увеличивается на 2 степени. При 1 *ти* и выше они наказываются разжалованием» [Тан люй, ст. 197; Уголовные установления Тан, 2001, с. 201]⁹.

Фраза «полномочным и заведующим чиновникам наказание увеличивается», кстати сказать, косвенно свидетельствует о том, что по данной статье действительно могли быть привлечены к ответственности отнюдь не только низовые ветеринары.

Выхаживание отощавших

Казённый скот следовало не только правильно освидетельствовать, отделяя старых от молодых и больных от здоровых, но и старать-

⁸ О шести типах имущественных преступлений и системе наказаний за их совершение подробно см.: [Рыбаков, 2015, с. 136].

⁹ Увеличение на 2 степени, предусмотренное для полномочных и ответственных руководителей, подразумевало, что за 1 *чи* наказание было не 60 ударов, а 80, за 3 *ти* 1 *чи* не 90 ударов, а 1 год каторги и т.д. [Тан люй, ст. 283; Уголовные установления Тан, 2005, с. 205; Рыбаков, 2015, с. 196].

ся, насколько возможно, не допускать увеличения числа больных и заботиться об увеличении числа здоровых. Этому, в частности, было посвящено специальное общеобязательное установление, подкреплённое соответствующей нормой уголовного права. Ненадлежащее исполнение предписания в очередной раз становилось, таким образом, уголовным деянием.

Пользование казённым транспортом вообще было сильно регламентировано, и не все правила этого регламента до нас дошли. Но некоторые дошли. Например:

«Если [кто-либо] ехал на казённом животном и безосновательно довёл его до смерти (*фэй ли чжи сы* 非理致死), возмещает [его стоимость] (*бэйчан* 備償)» [Ниидэ Нобору, 1964, с. 711].

В соответствующем японском *рё* говорится по тому же поводу более подробно:

«Если [чиновник] едет по государственным делам на казённых [или] частных лошадях [или] волах и если [они] падут по обоснованной причине, то всегда по выяснении и удостоверении [этого] от компенсаций освобождают... Если [лошадь или вол] падёт по необоснованной причине, то взыскивать компенсацию» [Свод законов «Тайхорё», 1985–1989, т. 2, с. 97].

При этом К.А. Попов, переводчик японских *рё*, в комментарии уточняет:

«Уважительной причиной считалось, когда, например, царский курьер в пути загонял лошадь... Необоснованной причиной считалась, например, беспричинно быстрая езда» [там же].

В кодексе в качестве примера неестественной смерти животного приводится иная ситуация.

«Проехавший почтовую станцию, не поменяв коней, — тот, кто, достигнув станции, мимо которой едет, не поменял коней, — наказывается 80 ударами тяжёлыми палками. Если по этой причине дошло до смерти [коня] — согласно общеобязательным установлениям о конюшнях и пастбищах, тот, кто ехал на казённом животном и безосновательно довёл его до смерти (*фэй ли чжи сы* 非理致死), возмещает [его стоимость]. При отсутствии коней — не подлежит ответственности. Имеется в виду, что, если на почтовой станции не было коней, проехавший её не наказывается, а если дошло до смерти — не возмещает» [Тан люй, ст. 128; Уголовные установления Тан, 2001, с. 73–74].

Чтобы до такого не доходило, чтобы чиновнику или нечиновному ездоку не пришлось выплачивать казне возмещение, а достояние империи не терпело ущерба, предусмотрена была иная норма:

«Если находящееся в дороге казённое животное отошло или заболело и не может двигаться дальше, его оставляют, передав [адми-

нистрации] ближайшего округа или уезда для откармливания и лечения. Зерно, сено и лекарства предоставляются из казны. По выздоровлении со специальным посланцем отправляют [животное] обратно в соответствующее учреждение (*со сы* 所司). Если [животное] умерло, передают для общественного использования в данном месте (*дан чу гуньюн* 當處公用)» [Ниидэ Нобору, 1964, с. 711].

Местные власти, оказавшиеся не на высоте и не обеспечившие адекватного ухода за переутомлённым, отошавшим или заболевшим животным, преследовались по закону в уголовном порядке.

Если обращение с оставленным для реабилитации животным всего лишь не соответствовало правилам (на всё были правила, и если история их для нас не сохранила, это не значит, будто их не было) — виновный подлежал наказанию 30 ударами лёгкими палками. Ненадлежащий уход обозначен в кодексе максимально обобщённо: *бу жу фа* 不如法. Адресат применения этой нормы закона безо всяких конкретных указаний охарактеризован как «местные ответственные служащие, получившие его», то есть данное животное (*со цзай гуаньсы шюу чжи* 所在官司受之). Значит, вне зависимости от конечного результата, единственно за ненадлежащие лечение и откорм (кормил не тем или не в том объёме, лечил не тем настоем или не той мазью) виновный работник администрации, при которой было оставлено занемогшее в пути животное, подлежал наказанию в 30 палок.

Если же по причине ненадлежащего ухода животное умерло, наказание увеличивалось всего лишь на 1 степень. Стало быть, тот служащий, которому было поручено или в чьи обязанности входило, ухаживать за оставленным на его попечение казённым животным, подлежал наказанию в 40 ударов лёгкими палками. При этом явно подразумевалось, что следствие может и, стало быть, должно выяснить, по причине ли ненадлежащего ухода последовала смерть животного или дело тут оказалось в чём-то ином.

Движение на почтовых коммуникациях было, судя по всему, достаточно интенсивным, особенно в центральных районах страны. Следовательно, могли возникать ситуации, когда на попечении тех или иных местных властей оказалось бы сразу несколько оставленных проезжавшими курьерами или эмиссарами животных. И, следовательно, нерадивость тоже могла быть проявлена сразу к нескольким.

«Если по этой причине дошло до смерти (*и гу чжи сы* 以故致死) — имеется в виду, что кормили и лечили несоответственно правилам (*бу жу фа*) и дошло до смерти. За 1 [животное] наказание — 40 ударов лёгкими палками. За [каждые последующие] 3 наказание увеличивается на 1 степень. [Увеличение] наказания ограничивается 100 ударами тяжёлыми палками» [Тан люй, ст. 198; Уголовные установления Тан, 2001, с. 202].

Как видим, карательные санкции по-прежнему оставались сравнительно лёгкими. Ограничение роста наказания, равное всего-то 100 ударам тяжёлыми палками, наступало, когда, скажем, нерадивый смотритель ухитрился уморить целых девятнадцать коней или верблюдов, оставленных на его попечение. Затем, сколько бы на его совести ни оказалось напрасных жертв, наказание уже не могло быть увеличено.

Потёртости на шкуре

Те, кто пользовался казённым транспортом, тоже отвечали за его сохранность. Легко загнать скотину и потом сбросить её на местные власти, но и самому следовало по мере возможности заботиться о ней.

«Езда на казённом животном верхом или в запряжке — имеются в виду быки, кони, верблюды, мулы и ослы. При езде верхом повреждается [шкура на] хребте, а при использовании упряжи — на шее. При язве в 3 *цуня* наказание — 20 ударов лёгкими палками. При 5 *цунях* и более наказание — 50 ударов лёгкими палками. Указано: и более. Значит, хотя бы язва и была больше, наказание тем не менее не увеличивается. Если имело место другое телесное повреждение, нанесённое не верховой ездой или ездой в запряжке, тогда наказывают, следуя [статье о] нанесении телесных повреждений казённым животным, а по настоящей [статье] ответственность не возлагается» [Тан люй, ст. 201; Уголовные установления Тан, 2001, с. 207]¹⁰.

То есть при езде верхом наиболее вероятным считалось нанесение повреждений спине животного. А вот от того, кто неаккуратно ехал в запряжке, вполне оправданно ожидалось скорее повреждение шеи. Если бессердечный ездок натёр шкуру животному на шее при езде на колёсном транспорте или на спине при езде верхом, для определения ему наказания следовало прежде всего измерить площадь нанесённого повреждения. Для этого существовали строгие правила: мерить следовало по окружности. Кодекс дотошно растолковывает:

«...[Количество] *цуней* [подсчитывается] по [линии] окружности (*вэйжао* 圍繞). Это значит, что язва окружностью в 3 *цуня* имеет в поперечнике 1 *цунь*, а язва окружностью в 5 *цуней* 1 *фэнь* имеет в поперечнике 1 *цунь* 7 *фэней*. Будь она угловатой или округлой, правилом является именно это. Если же края и углы неопределённые, всегда [количество] *цуней* [подсчитывается] по [линии] окружности» [Тан люй, ст. 201; Уголовные установления Тан, 2001, с. 207].

Максимальным наказанием по этой статье были 50 ударов лёгкими палками. Потёртости шкуры в пределах, более обширных, чем те, что соответствовали 50 ударам, уже не влияли на строгость кары.

¹⁰ *Цунь* 寸 — десятая часть *чи*, т.е. ок. 3,11 см. *Фэнь* 分 — десятая часть *цуня*, т.е. ок. 3,11 мм [Кроль, Романовский, 1982. С. 227].

Стало быть, здесь не предполагалось последовательного прогрессивного возрастания наказания в зависимости от величины нанесённого повреждения. Данная норма уголовного права знала лишь две позиции: 20 ударов лёгкими палками при язве окружностью от 3 до 5 *цуней* и 50 ударов лёгкими палками после того, как повреждение достигало 5 *цуней*. Повреждение, меньшее, нежели в 3 *цуня*, не требовало наказания. Повреждение, большее, чем в 5 *цуней*, по-прежнему каралось 50 ударами лёгкими палками.

Если ездок ухитрился нанести животному какие-то иные раны или травмы, наказание ему определялось уже по другой статье — за нанесение казённым животным телесных повреждений.

Нанесение телесных повреждений и убой

Выше уже не раз отмечалось особое отношение танского права к коням и быкам. Разумеется, оно не было искусственной, с потолка снятой выдумкой, но отражало реальную значимость этих животных для государства.

Несанкционированный преднамеренный убой коня или быка, казённых или частных — всё равно, следовало наказывать 1,5 годами каторги. То есть наказание за это преступление было установлено точно, зафиксировано в величинах основной шкалы наказаний. Кодекс даёт этому совершенно однозначное объяснение:

«Казённые и частные кони и быки по своему использованию весьма важны. Быки есть основа земледелия. На конях достигают дальних [мест], их же поставляют в войска» [Тан люй, ст. 203; Уголовные установления Тан, 2001, с. 210].

Если убитые конь или бык либо были редкостно дороги, либо их было несколько, так что наказание за нанесённый казне или частному владельцу суммарный ущерб, вычисленное по шкале краж («сообразно хищению» — *чжунь дао лунь* 准盜論), превышало 1,5 года каторги, то следовало применить наказание, полагавшееся за нанесение материального ущерба. Пороговой величиной были 15 *ли* — за хищение в размере 15 *ли* закон предусматривал уже не 1,5 года каторги, а 2 года. Таким образом, если кто-то намеренно убил казённого или частного коня или быка стоимостью в 15 *ли* и более, он получал наказание, вычисленное по шкале краж. Поскольку формулировка *чжунь дао лунь* запрещала применение ссылки с дополнительными работами, увеличение наказания ограничивалось ссылкой на 3000 *ли* (такому наказанию соответствовала стоимость в 40 *ли*).

Хищение же с последующим убоем любого из этих двух стратегически важных животных, казённых или частных, наказывалось ещё более строго, и снова в объяснение этого приводится функциональный мотив:

«Кони и быки используются армией и государством (*цзюнь го со юн* 軍國所用), поэтому отличаются от остальных домашних животных. Если [конь или бык] был похищен и забит, наказание — 2,5 года каторги» [Тан луй, ст. 279; Уголовные установления Тан, 2005, с. 89].

Похищение и убой либо редкостно дорогого коня или быка, либо нескольких, суммарная стоимость которых обеспечивала превышение пороговой величины в 2,5 года каторги, снова превращались в имущественное преступление, причём настолько злостное, что формулировка *чжунь дао лунь* с ужесточением заменялась здесь на *и дао лунь* 以盜論. Поэтому все ограничения, подразумеваемые при *чжунь дао лунь*, не действовали. Вдобавок здесь включалась ещё и статья о хищении с фиксированной мерой наказания¹¹. Это значит, что шкалу краж надо было сдвигать на 1 степень в сторону утяжеления наказания. То есть прикидывать, какое из двух возможных наказаний оказывается тяжелее и какое, следовательно, нужно в конечном свете применить, надлежало по уже сдвинутой, уже утяжелённой шкале. Стандартная шкала краж предусматривала 2,5 года каторги при стоимости похищенного в 20 *ти* и ссылку с дополнительными работами при стоимости в 50 *ти*. Утяжеление шкалы на 1 степень означало, что 2,5 года каторги полагались уже при стоимости похищенного в 15 *ти*, стоимости в 20 *ти* соответствовали 3 года каторги, а ссылка с дополнительными работами полагалась при стоимости в 40 *ти*. К тому же при формулировке *чжунь дао лунь* ссылка с дополнительными работами не применялась, пределом увеличения наказания являлась обычная ссылка на 3000 *ли*. А вот по формулировке *и дао лунь* при соответствующей стоимости похищенного ссылка с дополнительными работами могла быть применена. Для чиновников различие между *чжунь дао лунь* и *и дао лунь* состояла ещё и в том, что при наказании «сообразно хищению» должностные наказания не действовали, а при наказании «как за хищение» — действовали.

Продолжая анализировать варианты насилия над животными без их предварительной кражи, кодекс предусматривает, что перечисленные животные могли и не погибнуть, а лишь получить телесные повреждения.

Тогда наказание опять-таки следовало определять по шкале краж, по принципу «сообразно хищению», но подставлять в формулу пола-

¹¹ «Когда совершено хищение, при котором стоимость присвоения не рассчитывается, а устанавливается определённое наказание... то, если соответственно стоимости присвоения [наказание оказывается] тяжелее, оно определяется как за обыкновенное хищение с увеличением на 1 степень» [Тан луй, ст. 280; Уголовные установления Тан, 2005, с. 89].

галось не полную стоимость животного, а вычисленное согласно текущим расценкам уменьшение их стоимости, вызванное нанесённым увечьем. Термину «телесное повреждение» кодекс даёт применительно к животным очень тщательное определение:

«Как телесное повреждение рассматриваются появление крови или падение с вывихом. При появлении крови безразлично, во многих местах нанесены телесные повреждения или в немногих. Достаточно того, что появилась кровь, и [виновный подлежит данной] ответственности. Падение с вывихом — имеется в виду, что, хотя кровь и не появилась, суставы разошлись при падении. Это также рассматривается как телесное повреждение» [Тан люй, ст. 203; Уголовные установления Тан, 2001, с. 211]¹².

Для такого обращения с конём или быком кодекс не устанавливал, в отличие от летальных ситуаций, какого-то определённого, строго фиксированного минимума наказания. С самого начала криминальность деяния обуславливалась исключительно нанесением материального ущерба владельцу животного — частному лицу или казне. В этих ситуациях, если, скажем, живой конь стоил 10 *пи*, а после нанесения ему телесного повреждения его цена уменьшилась до 8 *пи*, человек, столь жестоко обошедшийся с чужой скотиной, подлежал наказанию «сообразно хищению» в размере 2 *пи*.

Если жестокому обращению подверглись какие-то иные животные — любые помимо быков и коней, наказание и за убийство, и за нанесение телесных повреждений следовало определять исключительно как за нанесение материального ущерба. Даже в случае смерти следовало учитывать, в отличие от коллизий с главными скотами империи, не полную их стоимость, а лишь уменьшение стоимости, вызванное их переходом из живых в мёртвые. Скажем, живое животное стоило 8 *пи*, а туша его после смерти была оценена в 3 *пи*. Преступник должен был быть наказан так, как если бы украл имущество стоимостью в 5 *пи* — стало быть, 1 годом каторги. Если же преступник довёл данное животное лишь до травмы или ранения и

¹² Выражением «падение с вывихом» я перевёл бином *ваньде* 腕跌. В самом кодексе он объясняется как *гуцзе цоде* 骨節差跌, т.е. буквально «суставы разошлись от того, что упал (споткнулся, оступился)». Строго говоря, для того, чтобы считать вывих телесным повреждением, было не обязательно, чтобы произошло именно падение. Достаточно было, чтобы животное оступилось, споткнулось, потеряло равновесие или как-то иначе повредило сустав — например, чтобы нога попала в какую-то щель или на какую-то неровность. Главным было то, что в результате неких действий человека суставы животного потеряли своё обычное сочленённое состояние и самостоятельное перемещение животного оказалось невозможно или донельзя затруднено.

стоимость его уменьшилась, скажем, до 6 *ти* — преступнику определяли наказание как за кражу имущества стоимостью в 2 *ти*.

Гуманное отношение к животным проявилось в танском праве столь последовательно, что применительно к ним было введено даже некое подобие предусмотренного для людей, нанёсших другим людям тяжкие телесные повреждения, «срока сохранения ответственности за последствия» (*баогу* 保辜)¹³. Кодекс уточняет:

«Если телесные повреждения тяжелее, [чем появление крови или вывих], — имеется в виду, что повреждены важные места — и в течение 5 дней дошло до смерти, наказывают, как за убийство, и возмещается уменьшение стоимости» [Тан люй, ст. 203; Уголовные установления Тан, 2001, с. 211].

Впрочем, требование выплаты возмещения действовало в любом случае, поскольку было неотъемлемой составляющей наказания за кражу. Всякий раз, когда наказания определялись «сообразно хищению», преступник, помимо наказания в величинах «каторги-ссылки», ещё и возмещал частному владельцу или казне нанесённый убыток.

Танские законодатели предусмотрели даже такую, надо полагать, довольно редкую ситуацию, когда нанесение животному телесных повреждений не уменьшило его цену. В подобных ситуациях, если только речь не шла о конях или быках, следовало просто наказать преступника 30 ударами лёгкими палками. Возмещать при этом было нечего, так что никаких компенсаций не выплачивалось.

Нетрудно понять, что для определения наказаний во всех подобных случаях также требовались ветеринарные экспертизы и освидетельствования животного специалистами.

До сих пор речь шла об осмысленных действиях, приведших к смерти или травмированию животного. От преднамеренных действий радикально отличались действия ошибочные, следствием которых могло явиться убийство или нанесение телесного повреждения по ошибке (*у ша шан* 誤殺傷). Здесь кодекс тоже старается быть максимально точным и понятным.

«Либо в том месте, где животное было отпущено без привязи, по ошибке убил его или нанёс ему телесное повреждение. Либо же хотел убить хищного зверя, а убил [домашнее] животное или нанёс ему телесное повреждение» [Тан люй, ст. 203; Уголовные установления Тан, 2001, с. 211].

¹³ Подробно о *баогу* см.: [Рыбаков, 2013, с. 294, 296, 311]. (См. также: Свистунова Н.П. Понятие *бао гу* 保辜 в кодексах традиционного китайского права // НК ОГК. Т. XLV. Ч. 2. М., 2015. С. 187–207. — *Отв. ред.*)

В таких случаях виновный не подлежал наказанию и лишь выплачивал хозяину — частному лицу или казне — возмещение нанесённого убытка.

Ещё одна отдельная норма предусматривалась опять-таки для коней или быков — на сей раз таких, которых преднамеренно убил сам владелец. Компенсацию тут выплачивать было некому. И в какой-то мере закон, видимо, признавал право частного владельца распорядиться своим скотом, пусть даже это был скот стратегического назначения. Преднамеренное убийство собственного коня или быка подлежало наказанию, на 1 степень меньшему, чем убийство чужого, — то есть не 1,5 годами каторги, а всего лишь 1 годом.

Убийство собственного коня или быка по ошибке не наказывалось никак.

Обучение

Государственная администрация обязана была не только содержать вверенных ей животных в добром здравии, но и надлежащим образом обучать тех из них, кто в обучении и тренировке нуждался. В первую очередь речь шла опять-таки о лошадях, труд которых требовал немалой сноровки и привычки: повиновение командам, умение держать строй или ходить в упряжке и так далее. Всей этой премудрости коней, которым в будущем предстояла сложная и разнообразная служба, следовало обучить заблаговременно, в молодости, пока они ещё набирались сил и ума-разума.

В одном из общеобязательных установлений, опять-таки сохранившемся только в качестве приведённой в кодексе цитаты, говорится:

«В высшей службе экипажей (*шанчэнцзюй* 尚乘局) Надзора Дворцового обеспечения (*дяньчжуншэнь* 殿中省) отряжают объездчиков (*сиюй* 習馭) для обучения коней, и в Восточном дворце (*дунгун* 東宮) отряжают объездчиков для обучения коней. Они проверяют чиновников конских пастбищ, и им разрешено ездить на казённых лошадях, чтобы кони были обучены» [Ниидэ Нобору, 1964, с. 708. См. также: Рыбаков, 2009, с. 272]¹⁴.

Кодекс сохранил до наших дней и выдержку из внутриведомственных установлений (*ши* 式) Великого конюшенного приказа (*тайпусы* 太僕寺), согласно которой:

«Кони содержатся на пастбищах 2 года, и [за это время] их надлежит обучить. У каждого пристава (*вэй* 尉) отряжено 10 человек, которые обучают лошадей, они разделены на 5 смен. Ежегодно в 1-й

¹⁴ В штате Высшей службы экипажей состояло 500 объездчиков. Восточный дворец — двор наследника престола.

день 3-го месяца [обучение] начинается и в 30-й день 4-го месяца — кончается» [Тан люй, ст. 202; Уголовные установления Тан, 2001, с. 208–209].

Если при таком-то тщательном присмотре и создании всех условий для дрессировки и тренировки повзрослевшие кони после содержания на пастбищах всё же оказывались не на высоте предъявляемых им по роду их службы требований, виновные подлежали уголовному наказанию соответственно числу плохо обученных коней.

«За 1 коня наказание — 20 ударов лёгкими палками. За [каждых последующих] 5 коней наказание увеличивается на 1 степень. Таким образом, при 41 коне [увеличение] наказания ограничивается 100 ударами тяжёлыми палками» [Тан люй, ст. 202; Уголовные установления Тан, 2001, с. 209].

В тексте не указано конкретно, кто именно из должностных лиц нес персональную ответственность и подлежал, в случае непригодности коней к службе, наказанию. Надо полагать, это должны были быть именно объездчики, которых, похоже, отряжали на пастбища из центрального аппарата (во всяком случае, на некоторые из них); видимо, обычные служащие самих пастбищ были ответственны лишь за здоровье животных, их прокорм и приплод. В противном случае, вероятно, в тексте должны были иметься ссылки на общеслужебную ответственность служащих штата пастбищ аналогично тому, как это было в случаях с выгулом и воспроизводством. Объездчики же были на пастбищах сами по себе, выполняли специфические задачи и отвечали за свои просчёты только сами, персонально.

Однако эти нормы, весьма, как мы видим, щадящие, имели силу лишь применительно к коням, поступавшим на обычную службу. Уточнений в тексте нет, но, надо полагать, тут могла речь идти и о почтовых коммуникациях, и о кавалерии, и о многообразных тяжких трудах гужевого транспорта.

Если же кони предназначались для учреждений, обслуживавших императорскую особу или особу наследника престола, данная статья не действовала. Вместо неё включалась статья о плохом содержании государственных вещей, относящихся к платью и выезду (*фуюй у* 服御物). По ней за поднесение в государственное употребление хотя бы одного плохо обученного, своенравного и непокорного коня полагалось сразу 2 года каторги [Тан люй, ст. 105; Уголовные установления Тан, 2001, с. 37].

Литература

Синь Тан шу, 1975 — Синь Тан шу 新唐書 (Новая история Тан). Т. 1–20. Пекин, 1975.

Тан лю дянь — Тан лю дянь 唐六典 (Шесть уложений Тан) // [Электронный ресурс]. URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/tangliudian_content.htm

Тан луй — Тан луй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Серия «Цуншу цзичэн 叢書集成». Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.

Ниидэ Нобору, 1964 — *Ниидэ Нобору* 仁井田陸. То рё сю и 唐令拾遺 (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.

Hucker, 1985 — *Hucker Ch.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford, California, 1985.

Кроль, Романовский, 1982 — *Кроль Ю.Л., Романовский Б.В.* Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. Вып. XXIII: Дальний Восток (История, этнография, культура). М., 1982.

Рыбаков, 2009 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 1. Генезис и структура. СПб., 2009.

Рыбаков, 2013 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 2. Правовое саморегулирование. Т. 1. СПб., 2013.

Рыбаков, 2015 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 2. Правовое саморегулирование. Т. 2. СПб., 2015.

Свод законов «Тайхорё», 1985–1989 — Свод законов «Тайхорё» / Вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. *К.А. Попова*. Т. 1–2. М., 1985–1989.

Уголовные установления Тан, 2001 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и) / Пер. и коммент. *В.М. Рыбакова*. Цзюани 9–16. СПб., 2001.

Уголовные установления Тан, 2005 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и) / Пер. и коммент. *В.М. Рыбакова*. Цзюани 17–25. СПб., 2005.

*V.M. Rybakov**

The T'ang dynasty laws on the state animal husbandry

ABSTRACT: Ensuring the food security of the country was for many centuries one of the main functions of the traditional Chinese state. An essential element of this task was the state animal husbandry. It also served the purposes of national defence and governing. Treatment of public animals was regulated by a system of prescriptive norms and criminal laws, which covered all stages and all areas of operation of state-owned animals, from their birth to old age, disability and death.

KEYWORDS: traditional China, state and law, bureaucracy, administrative law, criminal law, state animal husbandry.

* Rybakov Viyacheslav Mikhailovich, Dr. Hab. (History), leading researcher of the Department of Far Eastern Studies of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, St. Petersburg, Russia; E-mail: Ouyangtsev@mail.ru